

УДК 1(075.8)

Потапенков А.В.

«РУССКАЯ ИДЕЯ» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Актуальность исследования. Понятие «Русская идея» впервые было введено в научный оборот крупнейшим русским философом В. С. Соловьевым в 1887-1888 гг. В 1888 г. в Париже он прочел доклад «Русская идея», который был посвящен вопросу «О смысле существования России во всемирной истории». В понятии «русская идея» выражаются русское самосознание, национальная культура, судьба России, ее христианское наследие и будущность, пути соединения народов и преобразования человечества. Сущность «русской идеи», по Соловьеву, совпадает с христианским преображением жизни, построением ее на началах истины, добра и красоты.

В концептуальном плане «Русская идея» получила наиболее глубокую разработку в творчестве славянофилов, влиятельного направления русской философской мысли второй половины XIX в. Виднейшими теоретиками славянофильства были: И. Аксаков, К. Аксаков, А. Хомяков, И. Киреевский, А. Кошелев, Ю. Самарин. К ним близко примыкал поэт Ф. Тютчев. Сам термин «славянофильство» весьма условен и выражает их общественно-политические позиции.

Сущность славянофильства определялась идеєю «несхожести» России и Запада, самобытности русского духовно-исторического процесса. Его приверженцы делали упор на самобытном развитии России, ее религиозно-историческом и культурно-национальном своеобразии и стремились доказать, что славянский мир призван обновить Европу своими экономическими, бытовыми, нравственными и религиозными началами.

Славянофилы были убеждены, что только христианское мировоззрение и православная церковь способны вывести человечество на путь спасения, что все беды и все зло в обществе происходят оттого, что человечество отошло от истинной веры и не построило истинной церкви.

Они не отрицали достижения западноевропейской культуры, высоко ценили внешнюю обустроенность западной жизни, с глубоким уважением относились к западноевропейской науке. Но их активное неприятие вызывало господство индивидуализма, разъединенность, раздробленность, обособленность духовного мира людей, подчинение духовной жизни внешним обстоятельствам, господство материальных интересов над духовными. Все это, считали они, явилось следствием рационализма, который стал преобладающим в западном мышлении из-за отхода западного христианства, т.е. католичества (латинства, как писал Киреевский), от подлинной христианской религии.

Славянофильство как умственное течение образовалось к середине XIX в. Может показаться неожиданным тот факт, что в основу течения были положены вовсе не те принципиальные постулаты и идеи, которые приписывались ему его оппонентами: уже Герцен заметил трудность, с которой неизбежно сталкиваются исследователи, когда пытаются привести теории и идеи славянофилов к единой форме или составить из них последовательную политическую программу. Славянофилов часто пытались представить в качестве ультранационалистов и шовинистов, смешивая их концепции с более поздними устремлениями панславизма. В советский период нашей истории их относили к консервативно-реакционному направлению, имея в виду их эмоциональные заявления по реставрации средневековых политических институтов и своеобразную интерпретацию самодержавного режима. Более тщательный анализ идеологии славянофилов указывает на многосложность ее строения, эволюции и существенную трансформацию с течением времени некоторых ее постулатов, на условность разграничения с оппозиционным ей течением западников. Один из активных деятелей славянофильского движения А. Кошелев пояснил, что своим названием это направление мысли обязано не столько своим программным идеям, сколько оценкам, сформулированным его противниками - западниками. «Мы вовсе не желали воскресить Древнюю Русь, вовсе не хотели, обожествляя крестьянина и его общину, всех превратить в него. Мы делали попытку найти в нем, этом крестьянине, истинно русские черты, свойственные нашему народу в целом», - такова трактовка славянофила [1, с. 25]. Найти русский путь и открыть русский мир, сопоставив их с западными культурными и политическими образцами, но сопоставить так, чтобы подчеркнуть особенность, а может быть, и избранность. Открыть свое, чтобы не идти за чужим. Предложить другим свое, пусть и не лучшее, но истинное. Такова была неизбежная логика поиска, за которым часто следовали утверждение и оправдание существующего или желаемого.

Культурным контекстом идейных исканий славянофильства, несомненно, был романтизм как эстетическая доктрина и как мировосприятие, не претендующее на четкие формальные границы и доктринальность, допускающее размытость, таинственность и мистику форм и трактовок. В сфере социально-политического мышления этот метод породил утопии, правда, по содержанию существенно отличающиеся от современных им (Фурье, Сен-Симон) и позднейших социалистических утопий. Но доктрины славянофилов не были беспочвенными. Им удалось сформулировать некоторые идеи, которые оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на развитие отечественной мысли. Так обстоит дело и с «русской идеей». Открыв ее в глубинах религиозного православного сознания, славянофилы затем наиболее определенно выразили ее в своей доктрине о социальном идеале. На основе их изысканий и открытой ими традиции позднейшая философская мысль должна была неизбежно обратиться к этой проблеме («Русская идея» - назовут свои работы В. Соловьев и Н. Бердяев); «русская идея» будет неоднократно интерпретироваться в программах консервативных и националистических течений, а также в художественной литературе. Как показал исторический опыт, вычленение «русской идеи» из культурного процесса оказывалось возможным только в ее противопоставлении: оппонентом стала идея «западническая», неотступно сопровождавшая «русскую идею» на всем пути ее становления. Теоретические, философские концепции славянофилов нельзя понять и определить без рассмотрения их в контексте

противостояния: Восток - Запад. Какое место в этой коллизии занимает Россия? Это интересовало славянофилов более всего.

Для славянофилов середины XIX в. Запад - это прежде всего Европа, но в качестве противника принималась только Европа современная: средневековые с его многоцветной культурой, религиозностью, рыцарской этикой и традицией определенно идеализировались славянофилами. Но даже и в современной Европе существовало одно исключение, одна страна, политические и правовые институты которой не были столь деградировавшими, как во всей континентальной Европе, - это Англия. Симпатию у славянофилов вызывали прежде всего традиционализм и консерватизм островной державы.

Россия не может быть идентифицирована как вполне европейское государство по целому ряду причин. Она занимает особое евразийское географическое местоположение. Ее история связывает страну с Востоком не менее тесно, чем с Западом. Существенным отличием является также «особый дух русского народа» и особенный тип мировосприятия, которые проявляются в философской, религиозной, политической и правовой сферах. Активное стремление Европы повлиять на процессы государственно-политического развития России наталкивается как на сопротивление ее оригинальных политических институтов, так и на необычную национальную психологию ее народа. Но, предупреждали славянофилы, в самой России существует сила, способствующая проникновению западного, как правило, вредного влияния. Это - правящий класс самой России, резко противостоящий ее народу.

Столь странная ситуация, при которой правящий класс сознательно или бессознательно принимает вредные для собственной страны идеи и начинания, сложилась относительно недавно - в эпоху петровских реформ. В ходе преобразований сформировался новый управленческий аппарат, органически не связанный с народом и обществом. Его политическая слаженность и кажущаяся эффективность объясняются, прежде всего, отрывом от жизненной реальности. Народившийся тогда же тип чиновника и бюрократа - явно приносной, заимствован из германской и французской государственности. Аппарат этот функционирует в пространстве созданной им среды - иерархической соподчиненности - и на основе написанных им же регламентов, инструкций и приказов. Он оторван как от русской политической традиции, так фактически и от принципов исконного самодержавия.

Славянофилы понимают самодержавие как «олицетворенную волю народа». Это - сила служебная: в задачу самодержавия входит, прежде всего, угадывание «воли народа». Такая функция верховной власти обусловлена причинами ее возникновения. К. Аксаков ссылался на два факта из русской истории, в которых особенно ясно проявился способ возникновения верховной власти на Руси: в 862 г. русские призвали варягов на княжение, в 1613 г. всенародно избрали царем Михаила Романова. В трактовке славянофилов эти факты свидетельствуют о добровольном установлении верховной власти, тогда как в Европе власть всегда возникала на основе насилия. Русский царь, восходя на престол, совершает подвиг самопожертвования, он рассматривает власть как бремя, а не как привилегию. Верховная власть - это подвиг власти.

Взаимное доверие между царем и народом не нуждается в формальных гарантиях. Вся сила власти построена на идеале и нравственном убеждении. И. Аксаков заявил, что «не на контракте, не на договоре зиждутся в России отношения народа и царя, а на

страхе Божьем, на вере в святых членов человеческой совести и души». Западный количественный принцип большинства и сопровождающая его реализация охота за голосами в России неприемлемы. Самодержавие нельзя отождествлять ни с абсолютизмом, ни с азиатской деспотией. Абсолютизм разрывает органическую связь, существующую между царем и народом, его принцип - автократия - власть ради власти. Возникает полицейский тип государства: «Власть обставляется такими мерами политической предосторожности, как будто русский монарх есть завоеватель или узурпатор» [2, с. 104, 156]. Петр I трансформировал русское государство в абсолютизм. Государь превратился в «некую неведомую силу», земного Бога, регламентирующего правила жизни для всех и вся. Государство стало вторгаться во внутреннюю жизнь народа, чего не позволяло себе самодержавие. Рождается идолопоклонничество со всеми протекающими отсюда последствиями. Правительство отчуждается и ведет себя, как оккупационный режим на захваченной территории.

Как предотвратить подобную метаморфозу власти? Путем ее ограничения? Отнюдь нет. Это путь западных конституционных монархов, но не русский путь. Более того, чтобы обеспечить большую свободу для народа, самодержавная власть должна оставаться максимально сильной. Парадокс объясняется тем, что власть не может быть делимой, это означало бы ее ущербность. Если власть передана одному субъекту - государству (царю, правительству), то другой субъект - народ вовсе не должен участвовать в ее осуществлении. У последнего есть свои, более важные задачи духовного и религиозного порядка. К. Аксаков сформулировал эту идею следующим образом: «Внешняя правда - государству, внутренняя правда - Земле; неограниченная власть - Царю, свободу мнения и слова - народу».

Только при истинном самодержавии народ истинно свободен. Политическими институтами народа становятся тогда самоуправление и общественное мнение. То и другое предполагает наличие некой органичной общности, из которой они и вырастают. Образец такого единства славянофилы ищут в национальной истории. В оборот вводятся два понятия, на которых строится вся их политическая концепция: «Земля» и «Государство». Под «Землей» славянофилы понимали «общественно-человеческое начало», «неопределенное и мирное состояние народа», «душу народа». Государство - власть внешняя, сила, охраняющая Землю, «дело государево» [2, с. 19]. Идеальное отношение между государством и народом - состояние взаимного невмешательства.

Из исторической национальной традиции славянофилы извлекают еще один важный для концептуального построения социальный институт - славянскую общину: «союз людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом... обычаем общественным». Только внешняя угроза заставляет общину использовать для самозащиты внешние для нее закон и силу. Это обстоятельство не меняет, однако, отношения народа к власти: он по-прежнему продолжает свое общинное существование, развивая его до общенационального уровня, на котором вечевые собрания заменяются Земским собором.

Характерно, что народ, в оценке славянофилов, не стремится к государственной власти. Русский народ по натуре не властолюбивый, он не настаивает на предоставлении себе политических прав. «Не желая править, народ наш желает жить... Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной... Он помнит слова Христа: «Царство Мы несть от мира сего», и потому, предоставив

государству царство от мира сего, он, как народ христианский, избирает для себя другой путь - путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову: царство Божие внутри вас есть» [3, с. 24-27].

Осуществление земной власти - задача, которая возлагается на государство, оценивается народом как низшая функция в системе его нравственных ценностей. Но на земле без государственной власти существование невозможно, поэтому меч, закон и полиция стали неизбежными инструментами порядка. Но для оценки реально существующих форм власти важнее другое - как относится народ к своему государству: как к средству или как к цели. Истинно христианскому народу, каковым является народ русский, негоже самому непосредственно включаться в процесс государственного управления. Это отвлекает его от собственного внутреннего нравственного пути. Когда государственность и политические свободы становятся целью народа, исчезает его высшая цель - внутренняя правда и свобода.

Подобная метаморфоза произошла на Западе, где народы, верные римской имперской традиции, пошли по пути отвлеченной государственности. Правда внутренняя там была затенена идеями политического строительства и внешней правды, закона. Русского народа, считали славянофилы, пока не коснулась подобная драма «огосударствления», его идеалом по-прежнему остается идеал социального христианства.

Главным устремлением этики славянофильства стало искание Царства Божия и его правды. Все остальное должно выводиться из этой главной посылки. А. Хомяков писал: «Понятие об обязанности находится в прямой зависимости от общего понятия человека о человеческой и всемирной нравственной истине и, следовательно, не может быть предметом, отдельным для самобытной науки... Наука о нравственных обязанностях, возводящих силу человека в право, не только находится в прямой зависимости от понятия о всемирной истине... но составляет только часть из его общей системы философской или религиозной» [4, с. 15]. Для того чтобы «сила сделалась правом», необходимо, чтобы она получила границы, устанавливаемые законом. Но не законом внешним, который также является просто силой (например, завоевание), но законом внутренним, признаваемым добровольно самим человеком. В связи с таким пониманием права как самостоятельного явления, самодовлеющий принцип отвергается славянофилами; по их мнению, сущность права заключается в этике, нравственности.

В исторической перспективе принцип права воплощается не в предписаниях законодателя (всегда формальном, отвлеченно-рациональном и безличном), а в неписаном, живом и плодотворном обычае. Славянофилам обычай казался более органичным, более внедренным в народную жизнь, чем закон. По их мнению, «цель всякого закона, его окончательное стремление - обратиться в обычай, перейти в кровь и плоть народа и не нуждаться уже в письменных документах» [4, с. 164].

В отличие от Запада, «идея правды» в России всегда проистекала из правды христианства, а право всегда стремилось, независимо от реальных результатов, слиться с нравственностью. На Западе, где человеческое «я» заменило собой Бога, самовластие этого «я» оказалось возведенным в степень политического и социального права и в силу этого стремится овладеть обществом. В России народ, по крайней мере в стремлении, хочет жить не по правилам правового общежития, а по требованию религиозно-нравственного закона. Здесь воспринимается не буквальная смысловая правовая

формы, а непосредственная очевидность существующей справедливости. «Даже само слово «право», - утверждал Киреевский, - было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду» [5, с. 115].

Формальный, «внешний» закон требует нравственности поступка, не заботясь о субъекте поступка - человеке. Его задача заключается в установлении совершенного порядка вещей. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства» [2, с. 56]. Закон же нравственный «внутренний» требует, чтобы нравственным был сам человек, а его поступок проистекал из этого как свободное следствие нравственного достоинства человека.

Отказ придавать главенствующее значение форме права (как и форме государственности) делал славянофилов, по замечанию Н. Бердяева, своеобразными анархистами. По их мнению, христианство, указав человечеству высшее призвание вне сферы государства, ограничив государственность сферой «внешнего» (средства и формы, но не цели общественного бытия), низвело государственность на низшее место в иерархии ценностей. Принуждение определялось христианством как греховное дело: лишь ради слабости и греховности людской необходим закон внешний, необходимо государство - власть от мира сего; но призванием человека остается все то же нравственное и внутреннее движение души.

В позитивном законе государство «определяет свою нравственную высоту, ниже которой стоят многие его члены и выше которой всегда стоят некоторые». Поэтому государство - всегда условная, относительная форма земного общения, чуждая по своей природе высшей правде. Но каждый христианин одновременно является гражданином двух обществ - совершенного небесного и несовершенного земного, государства. Поэтому увлечение народа государственной властью отвлекает его от внутреннего нравственного пути и подменяет свободой политической и внешней свободой духа и внутреннюю. Русское государственное начало, так, как оно выявилось в ходе истории, есть не что иное, как конкретное выражение общественного идеала, осуществление правды на земле [3, с. 29].

Христианский религиозный идеал - основа славянофильской политической доктрины. Это позволяет ей достаточно критически относиться к любой государственной форме, будь это даже абсолютная монархия. Принцип относительности внешних государственных и правовых форм пронизывает всю славянофильскую доктрину. К. Аксаков писал: «Поняв с принятием христианской веры, что свобода только в духе, Россия постоянно стояла за свою душу, за свою веру. С другой стороны, зная, что совершенство на земле невозможно, она не искала земного совершенства, и поэтому, выбрав лучшую (меньшую из зол) из правительственных форм, она держалась ее постоянно, не считая ее совершенною. Признавая свободную власть, она не восставала против нее и не унижалась перед нею» [2, с. 18]. Стремясь отыскать политический идеал в исторической перспективе, славянофилы обращались к Московской государственности (особенно эпохи первых Романовых), находя в ней желаемое: союз государственности и общности, возникший еще при Рюрике.

Земские институты этого периода - явление не случайное, но основополагающее. Их деятельность непрерывна и постоянна, она направлена на

охранение самодержавной власти (в значении суверенной и независимой), но отнюдь не на ее ущемление, ограничение.

Самодержавие, по мнению славянофилов, не есть деспотия. Деспотическим оно может стать лишь тогда, когда будет вмешиваться в общественную, общинную и духовную жизнь народа. Со своей стороны, и общество, если оно «хочет быть плодотворным... ни в коем случае не должно вмешиваться в политику... правительство может и должно защищать, но только общество созидает» [4, с. 391]. Поэтому изменения в общественном организме должны отражать потребности внутренней жизни народа и не осуществляться слишком резко и революционно.

Своеобразная аполитичность русского народа проявлялась даже в таких экстраординарных акциях, как бунты и мятежи. К. Аксаков полагал, что все народные мятежи никогда не ставили своей целью завоевание политических прав или изменение формы правления, они были направлены лишь на замену личности правителя. Народ требовал от правительства одного - защиты своего мирного благосостояния и духовной свободы. По мнению славянофилов, это - ситуация, полностью противоположная тому, что происходило и происходит на Западе.

Европейский парламентаризм содержит две главные опасности: либерализм и следующую за ним революцию. «Декларация прав человека и гражданина» разрушила европейскую и аристократическую традицию. Цель социальных устремлений была перенесена с религиозных и духовных идеалов на позитивный закон и политическое строительство. При этом государство вовсе не самоустраивалось из сферы управления, напротив, после французской революции феодальный абсолютизм уступил место новому, еще более страшному абсолютизму - власти денежного мешка. Десакрализованные государства Европы выдвинули в качестве высшего критерия добра и зла случайную волю «народных представителей», занявших места в парламенте, превращенном в орган новой тирании, «тирании большинства». Личная совесть (отдельного индивида и самодержавного монарха) заменялась слепой машиной, созданной законом и амбициями политиков. Согласно А. Хомякову, диктатура парламентов оказалась более страшной, чем политические извращения монархических режимов. Ведь «собрание политических представителей не может иметь какую-то личную совесть», а законодательство, принятое по большинству голосов, независимо от лежащих в его основе мотивов, всегда остается только грубым обманом.

Новое парламентарное государство использует в целях маскировки идеи национального суверенитета и реформ. Под этими лозунгами парламентарии издадут невероятное количество разного рода законов и декретов. Это, в свою очередь, приводит к полному разрыву между внутренним чувством справедливости и национальным правосудием, нормативными предписаниями. Нагромождение новых законов не может решить проблему преступности: последняя усугублялась в силу неразрешенного и всеуглубляющегося конфликта между правительствами, воспринявшими ложные обещания Французской революции.

Приятное исключение в этой череде европейских политических превращений составила, по мнению Хомякова, Англия. В ней еще сохранилось заметное влияние обычая и здравого смысла, не вытесненных окончательно администрированием и

законодательством романо-германского типа. Сила Англии, как считали славянофилы, в ее верности старине и традициям, которые непонятным, но приятным образом сочетаются с ее тягой к нововведениям. Англичане поняли, что прогрессивным может быть только то, что не отрекается от прошлого. Хомяков считал, что всякий англичанин «тори в душе». Из этого допущения исходит в Англии государственное строительство: государство остается сильным, не зависящим от переменчивого мнения толпы, но вместе с тем разумно ограничивающим свою деятельность, не вторгаясь в сферу общества. Все это проистекает из одного интересного английского качества: «в английском характере есть глубокое и весьма справедливое неверие в человеческий ум. Этим англичанин напоминает русского». Здесь же лежит причина культурного и политического «загнивания» Запада: слишком преувеличена вера в разум, рациональность, в человеческую способность все просчитать и все предвидеть. Хомяков считал, что кризис западной цивилизации обусловлен слепой верой в торжество накопленных ею рациональных знаний. Сначала они убили личную совесть, но вскоре сами столкнулись с рядом вечных проблем, которые без этого критерия (совести) разрешить невозможно. Эти знания продемонстрировали собственную несостоятельность, а разочарование в возможностях научного и логического методов привело к нервозному их отрицанию как метода познания вообще. Особенно тяжелые последствия этот интеллектуальный поворот вызвал в сфере знаний о человеке и обществе.

На духовный и интеллектуальный кризис Запада неоднократно указывал «отец» славянофильского движения - Иван Киреевский, предупреждая об опасности и недоступности для России каких-либо существенных заимствований у Запада. Подобные заимствования начались при Петре I, но И. Киреевский, в отличие от большинства славянофилов, принимал петровские политические преобразования. Европейской и американской рациональности он противопоставлял русский тип рациональности, выраженной в вере: «Вера не слепое понятие, которое потому только и состояние веры, что не развито естественным разумом, и которое разум должен возвысить на степень развития... она также не один внешний авторитет, перед которым сразу должен слепнуть, но авторитет вместе внешний и внутренний, высшая разумность, живительная для ума» [5, с. 310-311]. Именно отличный от западного тип мышления не позволяет России осуществлять на Западе прямые заимствования.

Быстрый и пышный расцвет точных наук на Западе, развитие техники и широкое удовлетворение материальных потребностей сопровождаются там утратой внутреннего смысла жизни. Оказались утраченными вечные ценности, социальные и религиозные идеалы, чувства братства, любви, сочувствия, холодный логический анализ разложил основы европейской цивилизации. Исчезают общие интересы и убеждения, везде господствуют духовная апатия и эгоизм. И. Киреевский прослеживает стадии этого процесса разложения: от Аристотеля схоластическая философия, включенная внутрь христианской веры. Затем происходит реформация веры, и философия оказывается внутри веры. Идеи Аристотеля логически развились до идей Гегеля, когда вместе с религией окончательно умирает и воображение, а вместо них воцаряются промышленность и наука.

В политической сфере западная схоластика порождает негативные последствия. «Просвещение, приводящее только к самому зловещему затемнению умов, тирания под видом свободы, равенство, обращающееся в нарушение самых святых прав человеческой личности и превращающее правосудие в вопиющее нарушение правосудия, знание в невежество, ум в тупейшую глупость», - так оценивал ситуацию Иван Аксаков. По его мнению, деспотизм теории над жизнью есть самый худший из всех деспотизмов. Когда же такой теорией становится «теория свободы», вооруженная государственным мечом и увенчанная вместо короны якобинским колпаком, ситуация становится трагической. И. Аксаков приводит пример Франции. Какую бы политическую форму ни принимала она после революции (республика, империя или конституционная монархия), она всегда оставалась воплощением государственного централизованного деспотизма. Союз ложной теории с бюрократической властью, манипулирующей словами «свобода» и «народ», породил новую форму деспотических режимов, которые выросли на почве господства абсолютного разума, мало интересующегося жизнью и человеком, но вооруженного силой государственной власти.

Возникает царство анархии, где партии борются за власть и только за власть, провозглашая при этом самые либеральные и демократические лозунги, оглушая ими морально подавленных людей.

Российские западники пытаются приложить европейские демократические образцы к русскому обществу. Первую серьезную ошибку в этом направлении сделал Петр I: он обратил внимание на внешние политические формы, которые пытался заимствовать, не вникая в содержание жизни общества (И. Аксаков определяет общество как специфическую среду, «в которой совершается сознательная умственная деятельность известного народа, которая создается всеми духовными силами народными») [2, с. 32-33, 716]. Общество является той силой, которая препятствует установлению государственного всевластия, государственного деспотизма. Общество не имеет какой-либо внешней политической организации, оно не совпадает ни с сословием, ни с цехом, ни с корпорацией, вообще ни с каким-либо условием объединения людей. И. Аксаков видит консолидирующий общество фактор в уровне образования: чем он выше, тем сильнее само общество. С социальной точки зрения последнее является посредствующей структурой между народом и правительством.

Сословия, составляющие общество, могут изменяться и исчезать, но само общество сохраняется постоянно (славянофилы в большинстве своем выступали за ослабление и уничтожение сословной дифференциации русского общества). Оно является симфонической, соборной личностью, единым организмом.

Когда общество пытается вторгнуться в сферу государственности, к чему постоянно подстрекают публицисты, и политизируется, тогда подкрадывается беда. Общество начинает применять несвойственные ему в принципе методы внешнего принуждения, внешней организации, внешней условной правды. Этого следует избегать, считает И. Аксаков: «Государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа и общества на поверхность и оставаться в тех скромных пределах, какие налагает им духовная и нравственная деятельность самого общества».

Наличие общества - непрменная предпосылка любых политических преобразований, начинать их без наличия жизнеспособного общества бесперспективно. Петровские реформы

не учли этого: они стали осуществляться сами по себе, без учета реальных общественных потребностей и чаяний. Позже российские интеллигенты были очарованы яркими лозунгами: «свобода», «равенство», «братство» - и заговорили о необходимости демократии в России. Но что такое демократия? И. Аксаков утверждает, что это понятие может быть воспринято лишь как противовес аристократии. Однако подобного противопоставления в реальной русской жизни никогда не наблюдалось. На Западе этот лозунг означал требование передать власть в руки низших общественных классов. Однако на практике произошла лишь замена «аристократов» «демократами». Более того, там была сделана довольно успешная попытка внедрить этот принцип как единственно справедливый и абсолютный в сознание простых людей.

«Демократизм на Западе имеет законное историческое значение как выражение вражды и борьбы между угнетенным завоеванным народом и аристократами - завоевателями». Но равенство, которое хотят установить при этом, - чисто внешнее равенство, не исключающее внутренних существенных противоречий. И. Аксаков одним из первых использовал термин, который позже будет широко применяться в политических дискуссиях, - «казарменное равенство»; именно о такой форме равенства мечтают западные социалисты, придающие столь большое значение государственному контролю за установлением равных прав. Западная демократия в своей основе - примитивное почитание принципа правительственного управления, осуществляемого «представительными органами».

Вопреки мнениям отечественных либералов, опыт политического заимствования не подходит для России. Демократическое равенство (равноправие), о котором мечтают западные утописты, недостаточно для русского народа.

У него есть более высокое достижение: «братство - то начало духовного христианского равенства, при котором могут законно и свободно существовать различия в звании, положении и состоянии». Называть же русского мужика «демократом» странно, поскольку он, считали славянофилы, стремится всячески избегать политической власти, стараясь сохранить от вторжения государственности свободу своего земского быта. Если весь народ превратится в правительство, народа как такового уже не будет [2, с. 47, 87-88].

Заимствования, которые западники предполагают сделать у европейских политиков, устарели сами по себе. «Говорить теперь о парламенте как о каком-то идеале или «венце здания» для России - это именно и значит быть ретроградом», ведь в самой Англии, родине парламентарной формы, эта последняя считается устаревшей. Ею пользуются как своим орудием политические партии для установления своей тирании над народом. И в Америке конгресс уже давно превратился в источник наживы для политических дельцов. Оказывается, что вся политическая жизнь страны построена на зыбкой почве непрочного представительства. Неустойчивость власти приводит к пассивности и бездеятельности административной иерархии, государство оказывается в зависимости от парламентских интриг. Какую же ответственность может нести перед страной парламент, состоящий из случайных людей, механическим большинством голосов решающих важнейшие вопросы жизни? «А личная верховная власть несет ответственность, и ответственность тяжкую... перед Богом, перед совестью, перед историей, перед страной».

Запад не воспринимает и никогда не воспринимал Россию как равного себе партнера. «Он может либо бороться, либо презирать ее, все время тщетно пытаясь преодолеть российские невежество и непонятливость» [2, с. 695, 704-705, 363-364]. С Запада в Россию вслед за либерализмом проникают социализм и революции. Дух враждебности, отрицания и разрушения, проникающий из Европы, не смогут нейтрализовать ни администрация западного образца, ни воспринятая оттуда же правовая система. Вместе с тем культивируемые в России беспочвенность и отвлеченность (от национальных традиций и корней) системы воспитания и образования дают почву для прорастания этих ростков зла. Вот где корни всех этих появляющихся, как грибы после дождя, группировок социалистов, революционеров, федералистов, анархистов. Все они прикрывают свою подрывную деятельность лозунгами справедливости, равноправия, справедливого распределения благ.

Преимущество России перед Западом, считали славянофилы, заключается в ее молодости как державы. Молодой монархии нет причины завидовать все усложняющейся и непрочной политической системе Запада. Она морально защищена против вульгарной экономической экспансии и одна только способна на духовное завоевание Европы, так как может еще создать из хаоса накопленных там знаний нечто органическое и целостное. Духовный предтеча и сподвижник славянофилов кн. В. Одоевский точно так же, как и первый русский западник П. Чаадаев, видел превосходство России в ее огромном нерастраченном потенциале: она стоит у начала своего исторического пути, она имеет возможность выбора и изучения европейского опыта, наконец, она вооружена истинной православной идеей.

Славянофилы сформировали идею особого русского пути, развиваясь по которому, Россия сможет донести православную истину до впавших в ересь и атеизм европейских народов. Находящаяся в духовной апатии Европа готова воспринять свет истины. Воздействие русской православной церкви будет осуществляться исключительно мирным и ненасильственным путем. А. Хомяков заметил: «Христианство по существу своей чуждо насилию, оно не составляет государства. Искусственно могли его срастить с идеей государства...

Война, явление мира политического, прикрывала себя предлогом религиозным, что низводит религию до уровня государства... Христианство завоевательное должно быть отвратительным» [4, с. 316-317]. Тем самым теократическая модель государственности отвергалась славянофилами: церковь должна быть отделенной от государства. Христианство способно совершенствовать политическое поведение, лишь внося в него этические начала, но превращаться в политическую силу оно не должно - тогда оно перестанет быть религией.

Две сферы - религиозная и государственная - должны четко разграничиваться. Одухотворение государства вовсе не означает политического слияния этих сфер, сферы абсолютного и сферы относительного. В своих непреложных и вечных аспектах мир вступает в сферу церкви; она принадлежит обществу только в эпохи перемен, движения и борьбы. Государственные законы должны поэтому исходить из условий и изменений в условиях. Франция попыталась сделать братскую любовь непреложным законом и запуталась в эксперименте, ставшем посмешищем, замечал А. Кошелев.

Иными представляли себе взаимоотношения церкви и государства другие лидеры славянофильства - А. Хомяков и И. Киреевский. Политическая форма - вещь относительная, и главное требование к ней заключено в максимальном соответствии христианскому содержанию государственности и христианским принципам. В перспективе христианские общество и государство должны превратиться в церковь.

Славянофилами формулировалась своеобразная теория - «анархического монархизма» - аполитичность общества, приоритет политических идеалов перед политическими фактами. Если можно говорить о славянофильском демократизме, то это был демократизм не формально - политический, не государственно-правовой, а религиозный. Христианство рассматривается славянофилами как бесконечно более высокая ступень бытия, чем конкретные исторические формы бытия, оно индифферентно, за пределами всем вопросам политики. Поэтому никто не вправе предписывать человечеству ту или иную конкретную форму политического устройства в качестве идеальной и абсолютной. Однако сами славянофилы все же пытались найти наиболее оптимальную политическую форму, преодолевающую пороки западной дряхлеющей демократии с ее корыстным расчетом и «арифметическим народоправством».

Такой формой было выбрано самодержавие (не реальное, но идеальное), в котором принцип власти коренится в недрах веры и авторитета, т.е. органического сочетания воли властвующих и подвластных. Очевидной была утопичность этой формы правления для России, чего не скрывали сами славянофилы. И. Аксаков писал: «Мы исповедуем... такие начала, которые, по-видимому, тождественны с началами, признаваемыми официальной властью, покровительствуемыми государством, защищаемыми всей ее тяжеловесной мощью и поэтому исповедуемыми целой массой людей лицемерно, из корысти, из страха. Но, во-первых, признавая эти начала истинными в их отвлеченности, мы отвергаем... всякую солидарность с их проявлением в русской современной деятельности, с их русской практикой; во-вторых, самое наше понимание этих начал и выводы, из них делаемые, нередко совершенно отличны от официального их толкования и от тех выводов, которые извлекают из них официальные ведомства» [2, с. 507]. Здесь славянофилы отмежевались от того официального «славянофильства», которое было сформулировано властями и причины которого вылились в афористическую триаду: «православие, самодержавие, народность».

Славянофилы настаивали на том, чтобы государство отказалось от претензий на нравственный авторитет, на установление своей, государственной религии.

Целый ряд идей славянофилов оказались утопичными, не выдержали исторической проверки, другие - оказались жизненными, востребованными в современных условиях. Большое общественное звучание приобрела славянофильская идея о тесном союзе всех славянских народов. Они понимали славянство как единый целостный организм, особый социокультурный мир.

В центре их идейных исканий находились судьбы России и ее роль в мировом историческом процессе. Они пытались дать ответ на вопрос: что есть Россия? В самобытности исторического прошлого России славянофилы видели залог ее всечеловеческого призвания (они поставили ряд важных социально-политических и философско-исторических проблем, связанных с крестьянской общиной, ее

прошлым и будущим), тем более, что западная культура, по их мнению, уже завершила круг своего развития и клонится к упадку, что выражается в порожденном ею чувстве «обманутой надежды» и «безотрадной пустоты».

Плоды цивилизации в Европе, считали они, в общечеловеческом измерении оборачиваются скорее потерями, чем приобретениями, ибо они оплачены очень тяжелой ценой - потерей целостности человеческой личности, превращением человека из «образа и подобия божьего» в простую статистическую единицу буржуазного рынка. Что же можно противопоставить этому? Земельную общину и артель. А с ними - истины и законы православия.

Славянофилы показали роль православия как фактора, образующего государство и нацию. Православие, как система мировоззренческих представлений и верований, всегда служило фактором государствообразующим, объединяющим русские княжества в единое централизованное сильное государство. Славянофилы глубоко раскрыли негативные стороны западной демократии и выступали за самобытный, самостоятельный путь исторического развития России. По мнению славянофилов, развертывание всемирной истории предполагает не стирание цивилизационных и культурных особенностей, а сохранение этого своеобразия. Навязывание всем народам единого технического или, скажем, информационного цивилизационного уклада существенно обеднило бы многообразие общественной динамики, не позволило бы реализовать глубинный потенциал различных культур, ибо каждая нация и культура имеют свои индивидуальные особенности («природный язык»).

Славянофилы на большом историческом материале доказали, что духу коллективизма русского народа, его извечного стремления к единению, общинности, соборности отвечает православная вера. Славяне, русские не могут жить в закоулках частного, личного интереса, им нужна высшая цель. Такой высшей целью является сохранение и укрепление единства России как ядра всего славянского мира.

По мнению В.Н. Сагатовского, который написал фундаментальный труд «Русская идея: продолжим ли прерванный путь?», эта идея не только не успела воплотиться, но и сама разработка ее осталась неоконченной. Задача заключается не просто в том, чтобы изложить то, что было сделано до нас, - необходим новый синтез уже имеющегося идейного материала, новое видение России в современном мире. А мировая ситуация такова, что требуется разработка стратегической идеи, задающей духовные ориентиры в преодолении кризиса индустриальной цивилизации и возрождения России как великой страны. Россия обладает высоким научным, образовательным и культурным потенциалом, с помощью которого можно сделать страну сильной, богатой и процветающей. «Русская идея», при условии ее творческого развития с учетом новейшей истории, современного состояния философской мысли, будет являться самым адекватным ответом на вызов современной истории. Россия, являющаяся доминантой европейской цивилизации, не может успешно развиваться без сильной государственной власти, о чем неоднократно повторяли славянофилы. Ослабление центральной государственной власти всегда вело Россию к распаду. В истории России чрезвычайно большую роль играло православие, являясь основой духовной жизни российского общества на протяжении столетий.

Самый главный вывод из «русской идеи», который необходимо сделать в современных условиях, сводится к следующему: единственной возможностью для славянских народов выжить является их крепкий союз, причем их сближение должно идти через высокую культуру, духовность, через укрепление духовных, культурных, религиозных, научных и экономических связей.

Список литературы

1. Кошелев А.И. Записки. - Берлин, 1884.
2. Аксаков И. Сочинения. - М., 1886-1887.
3. Аксаков К. Записки о внутреннем состоянии России// Теория государства у славянофилов. - СПб., 1898.
4. Хомяков А. Полное собрание сочинений. - М., 1911.
5. Киресвский И. Полное собрание сочинений. - М., 1911. - Т 1.

Поступило в редакцию 11.02.03